

presented at the International Congress on to Permian System of the World, Perm, Russia, 1991, Part III, Earth Sciences and Resources Institute, University of South Carolina, University of Utah/. 1994. P. 67-71.

Podgainaya N.N., Loboziak S., Owens B. Assemblages of Middle and Upper Carboniferous zonal miospores from the South-Western Precaspian Depression, Russia // Bull. Center Rech/ Explor. Prod. Elf Aquitaine. 1996. V.20. №1, P. 91-129.

УДК 56:581

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПРОФЕССОРЕ А.А. ЧИГУРЯЕВОЙ И О ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ БУДНЯХ И ПРАЗДНИКАХ

Н.Н. Подгайна

Государственное геологическое предприятие «Нижневолжскгеология», г. Саратов

Впервые о науке палеонтологии и профессоре Анастасии Андреевне Чигуряевой я услышала от бывшего студента геологического факультета Виктора Москальчука, переведенного на биофак в связи с закрытием на геологическом факультете отделения нефтяников. Этот рассказ мне запомнился и, когда пришло время распределения по кафедрам, я постаралась попасть на кафедру морфологии и систематики растений в группу А.А.Чигуряевой. Желаящих стать палеонтологами набралось 7 девушек: Нина Бутина, Алла Ванюшина, Галина Гойдамаченко, Галина Павленко, Ирина Петрякова, Нелли Подгайна, Людмила Тимофеева.

Профессором оказалась довольно суровая, неулыбчивая, с нервным лицом женщина средних лет. Она прочитала нам краткий вводный курс, и у нас начались практически занятия. Нас учили различным методам мацерации образцов пород, ацетолитному методу обработки современной пыльцы, различным способам приготовления препаратов и технике микропирования. Занятия вела очень доброжелательная и внимательная ученица, и помощница профессора Клавдия Васильевна Воронина. Нам открылся совершенно неведомый и невидимый мир красоты и гармонии. Споры и пыльца каждая по своему удивительно окрашены, устроены и красивы.

Вскоре А.А.Чигуряева предложила нам на выбор целый ряд будущих дипломных работ. Тут были темы и стратиграфического порядка, по морфологии мiosпор и по появившемуся в то время новому направлению – мелиссопалеонтологии. Именно в рамках мелиссопалеонтологии мне досталась тема «Палинологический состав пчелиных обножек».

По окончании экзаменационной сессии началась подготовка к преддипломной практике. Каждой из нас профессором было определено место для производственной практики. Подробно было рассказано об особенностях предстоящей работы, о людях, с которыми мы столкнемся и много других практических и житейских советов. Я была направлена на пасеку в Золотой долине в окрестностях г. Саратова. Мне предстояло в течение всего июля через день посещать пасеку и отбирать обножки у прилетающих к ульям пчел, а на другой день в лаборатории делать ацетолит собранного материала. Анастасия

Андреевна очень строго следила за планомерностью сборов и порой журила за проявляемую мной торопливость.

Осенью 1960 года начался наш последний университетский год. Анастасия Андреевна требовала, чтобы мы постепенно, без спешки и добросовестно готовили свои дипломные работы. Микроскопы для нас освобождались по вечерам после ухода сотрудников спорово-пыльцевой лаборатории. Мы подсчитывали, зарисовывали и определяли ископаемые и современные споры и пыльцу. Наши определения тщательно проверяли Анастасия Андреевна и Клавдия Васильевна. Запомнился один комический эпизод наших преддипломных вечерних бдений. Засиделись в гербарии допоздна, т.к. в тот вечер нам хорошо работалось. Но постепенно все стали изнемогать от голода. Еды ни у кого не осталось. Мы смеялись и дураченьем старались унять муки голода. Но голод не проходил, а на окне между рамами стояла и манила к себе наши взгляды 3-х литровая банка с маринованными грибами. Не помню, как мы решились, но скоро банка была открыта, а грибы моментально проглочены. А утром следующего дня все были расстроены и угнетены, т.к. узнали, что грибы были куплены в буфете для Анастасии Андреевны. С трепетом мы ждали неминуемой расплаты, изнемогали от вины и невозможности возместить потрапу. Но нас простили без гнева, не сказав ни слова упрека.

Быстро пролетели университетские годы, защита, и вот мы – молодые специалисты с дипломами на руках. Думали, что расстанемся надолго, а то и навсегда. Но в 1962 году многие из нас – «детей гнезда Настасьи», как мы себя называли, постепенно опять собрались в лаборатории под ее крылом. В то время началась 200-тысячная геологическая съемка территории СССР и в лабораторию из Казахстана и Прикаспия стало поступать много кернового материала для определения возрастной принадлежности отложений. Поэтому потребовались палеонтологи и А.А. Чигурьева пригласила на работу нас, своих бывших выпускников. Состав лаборатории расширился до 25 человек. Все мы были молодые и беззаботные люди. Работалось весело и хорошо. Мы исследовали мезо-кайнозойские образцы пород. В перерывах между работой было много интересных бесед на самые разные темы, шуток, смеха, розыгрышей. Это было время «Хрущевской» оттепели. После долгого «Лысенковского» гнета, начался подъем генетики и всей биологии вообще. Появилось много новых публикаций. С какими переживаниями читали мы статьи академика А.Л. Тахтаджяна о судьбе Н.И. Вавилова. Мы стали лучше понимать, почему некоторые из наших педагогов такие скрытные и немногословные. Но минуты грусти у нас проходили быстро и опять разгорались шумные споры и тогда из-за шкафов появлялась профессор и призывала нас к порядку. Иногда кос-кому здорово доставалось, но ни разу не были применены строгие административные взыскания.

Постепенно нам стал открываться широкий круг научных интересов нашего шефа: палеонтостратиграфия, аэро-, марино-, мелиссопалеонтология, генетическое, эволюционное, популяционное, морфологическое и систематическое направления палеонтологии и многое другое. К сожалению не

все нашло полное отражение в публикациях. Тогда очень трудно было опубликоваться. Наша Настя (так ласково мы ее называли) любила приговаривать: «Это так интересно!» Она была талантливым и разносторонним человеком. Однажды она мне поведала, как, будучи аспиранткой, на спор, без словаря, довольно быстро, публично перевела текст с незнакомого ей языка. Выручили блестящие аналитические способности и умение сосредоточиться. Ее научные занятия и любовь к палеонтологии осложнялись непониманием самых близких людей.

Ей часто вспоминался случай, когда она сидела в яме на торфянике и отбирала пробы для диссертации, а ее муж, стоя на краю ямы, ругал ее и требовал прекращения ее занятия. Однако, несмотря на эти трудности, она защитила кандидатскую и докторскую диссертации и вырастила двух прекрасно образованных сыновей. Один сын был философом – преподавателем кафедры философии СГУ, другой – архитектором-проектировщиком.

Вопреки внешней суровости и нелюдимости Анастасия Андреевна любила молодежь и живо интересовалась всеми нашими делами. Какие у нас были кафедральные дни (когда она стала зав. кафедрой), доклады, конференции, защиты диссертации, какие праздники!

С каким наслаждением мы украшали наш любимый гербарий к новогоднему празднику, как изобретали необыкновенные блюда к торжественному праздничному застолью. Вспоминается, как однажды, на 8 марта наши парни - Игорь Нанолов, Володя Дайковский, Владик Маевский, Толя Забалуев на больших салазках привезли огромный торт! Конечно пели, танцевали, влюблялись! Запомнился один такой вечер на квартире у шефа, а также выезд в лес в окрестностях ее дачи. Тогда мы съели целый тазик салата из будры плющевидной!

Анастасия Андреевна очень любила экспедиционные поездки, в различные районы области. Собирался гербарный материал, изучалось флористическое биоразнообразие района, собирались почвенные и воздушные пробы «пыльцевого дождя» и много других интересных материалов. Анастасия Андреевна была неутомимый ходок. Помню заливные пойменные луга Медведицы, буйно цветущее разнотравье и тучи гнуса. Нас просто заедали комары и мошки и мы не знали, как отбиться от них. А наша Настя спокойно шла и гнус ее не трогал!

Есть поговорка: «Нельзя научить, можно научиться». О том сколь многому я научилась в университете и у Анастасии Андреевны я поняла, когда перешла на работу в палеонтологическую лабораторию производственного геологического объединения (ПГО) «Нижевожскгеология». В ПГО тогда осуществляли интенсивные геологоразведочные работы по поискам нефти и газа на территории Астраханско-Калмыцкого Прикаспия. Бурение производилось до 5 тыс. м и глубже. Главным объектом для поисков был верхнепамозойский комплекс пород. Изучением именно этих отложений мне пришлось заниматься. Для меня это был совершенно новый объект. Но, палеонтологическими методами исследования, я преодолела все трудности, связанные с разногласиями с геологами в оценке возрастной принадлежности

отложений и доказала правильность своих датировок. Кроме датировок геологов интересуют и палеофациальные, палеоландшафтные, палеоэкологические, палеоклиматические обстановки и прогнозные оценки рассеянного органического вещества (РОВ), содержащегося в породе. По всем этим вопросам палеонтологические исследования могут дать изрядную, а порой просто уникальную информацию. Ведь органомацерат, полученный в результате химического растворения породы, есть ни что как матрица, содержащая информацию обо всех природных процессах, происходивших во время накопления вмещающих осадков. И тут я поняла, почему наш профессор так интересовалась «немыми» препаратами, т.е. препаратами не содержащими миоспор. Ведь немых образцов в природе вообще нет!

Из каждого образца опытный исследователь может извлечь ценную информацию. В опытных руках палеонтологический материал подобен природному алмазу в руках искусного гранильщика! Как тут опять не вспомнить любимое Настино: «Это так интересно!»

Когда я, добываясь детального стратиграфического расчленения изучаемых толщ, мне помогал метод построения схем распространения палеонтологических таксонов по глубинам. Этот метод широко применялся А.А. Чигурьевой при исследовании мезо-кайнозойских толщ. Особенно хорошо этот метод зарекомендовал себя при выделении и описании мною палинозон среднего и верхнего карбона.

При воссоздании палеоклиматических, палеоэкологических обстановок мне очень помогали наблюдения за изменениями морфологического строения миоспор, фиксация уродливых форм. Первые навыки подобных исследований я получила, выполняя задания А.А. Чигурьевой по измерению и биометрической обработке пыльцы многих родов и видов, собранных в разных районах СССР. Тогда мне необходимо было также отмечать мономорфизм, диморфизм, полиморфизм видов, а также подсчитывать уродливые зерна, для установления аномиктических видов. Эти исследования частично отражены в публикациях А.А. Чигурьевой. Тератоморфность палиноморф А.А. Чигурьева связывала с глубокими нарушениями ядерного вещества, вызванными резкими изменениями среды обитания.

Еще в студенческие годы меня поразила статья А.А. Чигурьевой о пыльце вельвичиевых, с которой она сравнивала пыльцу пермских *Vitatina*. С тех пор я с особым пристрастием всегда обращала внимание на полосатые миоспоры. С годами эти наблюдения были отражены в серии публикации по истории развития феномена стриатности миоспор фанерозая. Мною было установлено, что первые полосатые (стриатные) миоспоры появились в кошке силура, когда началось формирование наземной флоры экологических обстановок, а также изучены особенности эволюции и морфогенеза стриатных миоспор фанерозая. Эта работа была награждена в 1994 году премией Академии Естественных наук и фонда Д. Сороса.

Так на протяжении всей моей трудовой жизни незримо мне помогали ненавязчивые уроки А.А. Чигурьевой. Именно ей я обязана своим пожизненным увлечением палеонтологией.

В последние годы жизни Анастасии Андреевны я несколько раз встречала ее в сквере на улице Рахова, и каждый раз она спрашивала меня, не защитилась ли я, хотя в то время я еще и не собиралась защищаться. Кандидатскую диссертацию я защитила в 1988 году, уже после ухода моего мудрого профессора. Я не успела поблагодарить ее за науку. И вот теперь этими воспоминаниями я хочу исправить свою ошибку. Лучше поздно, чем никогда...

УДК 59.089 (56.074.6)

КОЛЛЕКЦИЯ ПАЛЕОЦЕНОВОЙ ФЛОРЫ КАМЫШИНА НА КАФЕДРЕ БОТАНИКИ КГУ

М.А. Андреева

Казанский государственный университет, г. Казань

В природе редко встречаются такие ископаемые флоры, где каждый образец является ценной находкой и несравненным музейным экспонатом. Своим появлением в палеоботаническом музее кафедры ботаники Камышинская флора обязана замечательному ученому и человеку профессору Владимиру Исааковичу Баранову (1889–1967). Он возглавил кафедру в 1932 году и проработал здесь до конца своей жизни. Результатом его экспедиционных поездок и сборов и явилось создание палеоботанического музея. Особая гордость музея — коллекция палеоценовой флоры Камышина. Во всем мире существуют лишь четыре подобные коллекции — в Волгоградском краеведческом музее, в Санкт — Петербурге, в Московском Геологическом институте и у нас, в КГУ.

Отметим, что Камышинская флора является самой древней среди палеогеновых флор России.

История изучения данной флоры тесно связана с именами таких ученых, как R. Murchison, H. Goerpert, E.W. Berry, H.A. Trautschold, А. П. Павлов, И. В. Палибин и многих др.

Новый этап в изучении флоры Нижнего Поволжья связан с именем В. И. Баранова, о котором мы уже говорили выше. В 1949 году он собрал здесь большой материал для своей коллекции. В связи с разработкой кварцитовидных песчаников горы Уши Казанский Государственный университет в 1954-1955 гг. организует новые поездки в Камышин. В составе последней экспедиции принимала участие О.М. Мокшина. Во время этой поездки она сделала большой сбор отпечатков растений, хорошо дополнивших предыдущие коллекции. В составе этой коллекции были определены несколько новых видов, ранее неизвестных во флоре Уши.

Мы, со своей стороны, попытались внести свой вклад в эти интересные исследования, проведя тщательную ревизию коллекции флоры Камышина, имеющейся на кафедре ботаники КГУ в 1998-2005 гг.

Особо следует сказать о классификации ископаемых растений. Сложность состоит в том, что распространено множество самых разных